

Осанна белизне

Меня сегодня бес кружил –
там не срослось, здесь не случилось.

Непопаданием в самолёт
сегодня начинался день.

И ту Москву, где прежде жил,
и что ночами часто снилась,
покрыл сегодня крепкий лёд
и снег. И тени на плетень

всё наводил декабрьский мрак,
и за ошибкою ошибку
нагромождая, всё смотрел,
оправлюсь или сгину я.

Преувеличивать мастак,
он ободрал меня как липку
в такси, оставил не у дел
во всех вопросах бытия.

Потом честнейший белый снег
покрыл проспекты и дороги.
Под ноль колёсами машин
раздавленный, он вновь белел.
Твоих ладоней оберег
меня хранил. И все тревоги
декабрьской темени крушил
и белизне осанну пел!

Посвящение Францу Шуберту

*Под впечатлением от концерта
из произведений Франца Шуберта
(1797–1828) «Лебединые песни»
и камерного октета фа-мажор.*

В напомаженной Вене, кружевами кипящей,
близко знавшей Сальери и ванилью пропахшей,
в мезонине под крышей, где сквозняк душу губит,
жил в века уходивший и болезненный Шуберт.

Опрометчивым жестом опрокинут подсвечник...
Словно лебеди чёрные на луга бесконечные,

Опускаются ноты непрерывною стаею
на листы с разграфлёнными нотными станами.

Этот истовый гений, этот Франц неуёмный
Лебединую песню пел под крышею съёмной!

Сквозняками простуженный, очарованный намертво,
он рукою натруженной выводил Серенаду...

Пел фагот и валторна в мезонине под крышею –
звуки медного горна в этой музыке слышались!

Там стенали и плакали Горный Царь и Красавица –
до утра свечи капали, пока воск не оплавится...

Там, в обители съёмной, вне богатства, вне времени
бился пульс неуёмный несчастливкого гения!

Вивальди в Яффо

*После скрипичного концерта Вивальди
в стенах Армянской церкви в Яффо.*

Я задыхаюсь! Музыка Вивальди
проникла в стены храма. Скрипачами
взлелеянные звуки служат морю,
что за окошками колышется лениво...

Я пробиралась к вам, гармоний ради,
обычным жарким днём. А на причале
стояли рыбаки. И, ветру вторя,
колокола звонили в церкви у обрыва.

Нас собрала здесь доля иль случайность –
две сотни обезличенных и сирых,
в сравненье с музыкой, в такую мощь и святость
нас вовлекающей, что арки заструились
и задрожали! Нераскрытость тайны
Антонио Вивальди, блеск и сила
старинных скрипок и шероховатость
плит под ногами – воедино слились.

Служенью музыке, как Яффо морю служит,
век обучались музыканты в чёрном.
Помеченные грифом, станом нотным,
они уходят с зачехлёнными смычками,
оставив тень Вивальди... Долго кружит
его концерт, в часовню заточённый...
Наружу – к морю! Тель-авивский потный
субботний вечер разливается над нами!

Рахманинов. Всенощное бдение. Диптих

*После прослушивания «Всенощной» Сергея Рахманинова
в исполнении Литовской классической капеллы под
управлением Андреаса Мустолена (ноябрь 2016, Израиль)*

«Глубокая озабоченность и тревога за судьбы родины,
сознание бессмысленности жертв, боль и возмущение
художника-гуманиста при виде человеческих страданий,
приносимых чуждой и противной народным интересам
войной, – всё это вызывало у Рахманинова настойчивые
поиски нравственного идеала, служащего опорой в тя-
жёлых жизненных испытаниях. Этот идеал Рахманинов
искал в твёрдых и постоянных устоях народной морали,
которую он стремился воплотить в своей «Всенощной».

(Ю. Келдыш)

Взовьётся древнерусский глас
под своды зала... Колокольный,
звонящий зов, чтоб боже спас,
чтобы простил нас, своевольных!

Чтобы живущим на земле
дал ощущение бессмертья,
безвестный голос в синеве
иерусалимской пел на свете...

И вот уже не стало стен,
и обнялись земля и небо, –
великой музыке взамен
переплетая быль и небыль...

Я в синем омуте души
на дальних хорах пребываю.
И это я пою в тиши,
и предо мной – земля нагая,
чей первородный грех велик,
а войны – нам во искупленье!
Над миром протянул старик
длань бога. И затихло пенье.

***

Я пела в юности под арками, я пела!
Я пела музыку, которая летела
от дальних отсветов судьбы, души касаясь, –
такою маленькой сама себе казалась...

Я пела в юности Всенощной силы бденье,
за всю непрожитую жизнь, прося прощенье,
за все дороги, что взовьются серпантином,
за все разлуки, что с тревогами едины.

Я пела музыки рахманиновской звуки,
ещё не зная, как повиснут в горе руки,
когда покинут меня близкие-родные,
взвалив на плечи мне все тяготы земные...

Познала горечи измен и расставаний,
и вкус внезапных перемен и расстояний!

Я пела в юности под сводами, не зная,
что заключалась в этих звуках жизнь земная.

Мне сегодня гореть...

Мне сегодня гореть
на ветру убегающих дней
и монеты бросать
в те ручьи, чтоб назад возвратиться!
И молитвенна медь
оппадающих календарей,
и надломлена стать
чуть живой и израненной птицы...

Мне б сегодня сказать
о цветах той далёкой поры
у обочин полей
неизбывного светлого детства:
шевелюрой качать
по законам извечной игры,
умирать в суховей,
когда попросту некуда деться...

Я ещё постою –
то ли золотом, то ли огнём,
на жар-птицы перо
опираясь, как нищий на палку,
на судьбину мою,
что иссушена прожитым днём...
И, хоть время пришло,
но лежащий подсолнух мне жалко.